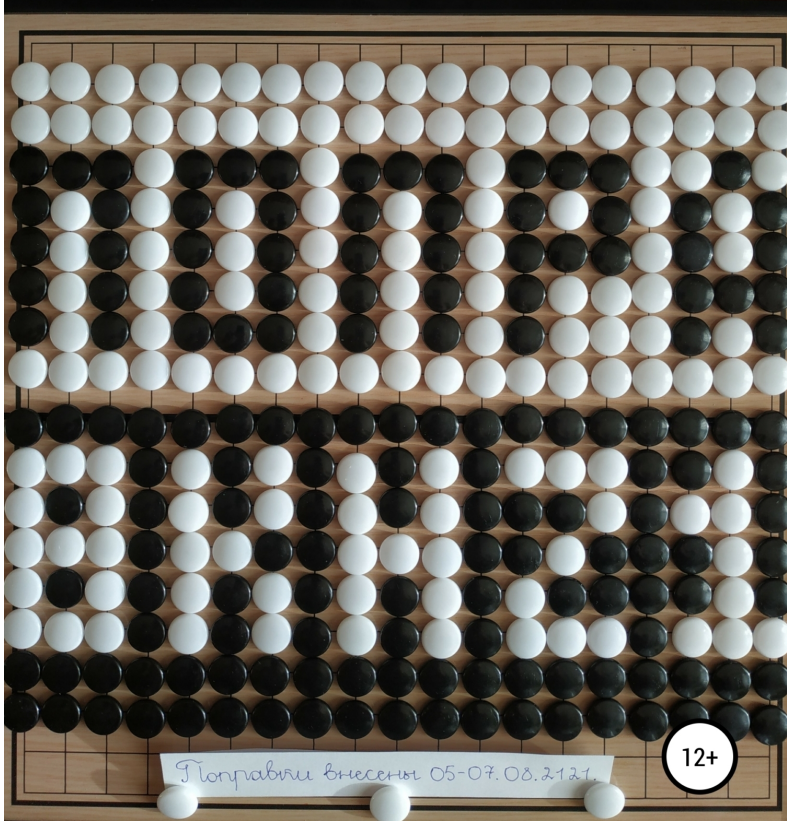

Андрей Н. И. Петров

Поправки внесены 05-07.08.2021.

12+

Андрей Н. И. Петров

Поправки-21

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66671406

SelfPub; 2021

Аннотация

Летом 2021 года отец Елизаветы Андреевны написал для конкурса в честь векового юбилея Станислава Лема футурологический рассказ "Поправки-21" – о событиях, которые произойдут в течение следующих ста лет. В 2033-м он вернулся к "Поправкам-21" и обнаружил, что его ближайшие ставки-прогнозы почти не сбылись. Тогда он завещал дочерям дожить до 2121 года и внести поправки в "Поправки-21", написать, что же на самом деле произошло и не произошло за эти годы.

До 2121 года дожила одна лишь Елизавета Андреевна. Вскоре после 102-го дня рождения она решает все-таки выполнить просьбу отца. Этот рассказ – взгляд человека XXII века на футурологию столетней давности, на то, каким будущее виделось летом 2021 года.

Андрей Петров

Поправки-21

Поправками Елизавета Андреевна решила заняться дней через десять после дня рождения. Оригинальный рассказ отец закончил где-то в начале августа 2021-го, точная дата не сохранилась из-за падения старых облаков в 80-х, а папа просил внести поправки ровно через сто лет. Вторник 05.08.2121 вполне подходил для исполнения его завещания. Чтобы подстраховаться (хотя 102 года уже не считались чем-то чрезмерным), она напомнила о просьбе прадеда старшему внуку, 35-летнему Андрею. Возникла даже идея поручить это дело ему из-за совпадений в имени и возрасте, чтобы вышло совсем красиво, но, укладываясь спать в понедельник, Елизавета Андреевна решила: поправит сама.

Рассказ-эссе был написан отцом как ревизия футурологических прогнозов писателя-классика Станислава Лема для какого-то случайного российско-польского конкурса в период, когда папа почти совсем расстался с мечтами о писательской судьбе и не мог никак закончить свою первую большую повесть. История, в которой реконструированное нейросетями сознание Лема пробуждалось в день двухсотлетия знаменитого фантаста, так и называлась – "Поправки-21" – с аллюзией не столько литературной, сколько музыкальной

на альбом одной старой рок-группы, с чьими математически точными полиритмами у отца ассоциировалась лемовская мысль. В 33-м году, когда ассоциация сработала в обратную сторону и папа вспомнил о давней попытке не уходить из писательства, он и завещал дочерям дожить до 2121-го и внести поправки уже в его прогнозы.

Елизавете Андреевне тогда еще не исполнилось 14 лет, а старшая сестра Любовь уже училась в университете, и к романтическому проекту отца серьезнее отнеслась именно Лизавета. Папа объяснил свой замысел так: "Прошло всего 12 лет, это ближнесрочная перспектива, а мои прогнозы-ставки не сыграли и наполовину. Смешно себя перечитывать, так не угадать такие очевидные вещи. А что от них останется к 2121-му, попаду хоть в 1%? Нет, этим "поправкам" нужны свои поправки. Всякий прогноз должен быть поверен наступившим будущим".

Сначала отец хотел "поверить прогнозы наступившим" каждые десять лет, но 2031-й два года как прошел, а в 2041-м не имело смысла затеваться, поскольку в прогнозно-ставочном календаре с 35-го (возрастная смена мировых элит) по 43-й (первое условно искусственное сознание) был пробел. Так что он предпочел сразу препоручить это дело Лизавете и Любаше, хотя и надеялся до последнего, что главная его футурологическая надежда о победе над смертью или хотя бы

над ранней старостью сбудется и в 2121-м вносить поправки в "Поправки" он станет сам. Надо сказать, что ежедневная встреча с будущим порядочно развлекала его в 50-х – 70-х, вплоть до "смерти" от танатомы в 2074-м, папа даже называл свой образ жизни "медленная машина времени": он как личное сознание остается неизменным, то есть неподвижным во времени, а действительность вокруг него движется из будущего в прошлое, продвигая тем самым его вперед со скоростью 1 с/с.

В итоге на этой "машине времени" из 2033-го в 2121-й добралась только Елизавета Андреевна. Папа ушел первым, мама – три года спустя из-за отказа от геротерапии, в те годы довольно рискованной, а Любовь погибла в 2109-м, авария. Отец говорил, что футуролог в первую очередь должен уметь прогнозировать свою жизнь, иначе это сапожник без сапог, и с собой он справился неплохо. Еще в XX веке он загадал, что умрет в 2077-м, в 91 год, в зрелости уже не надеялся на это из-за проблем со здоровьем, но потом, когда как-то неожиданно в 2069-м сбылся самый фантастический его прогноз-ставка – о танатоме – уверовал, что станет персонажем своего же раннего рассказа и умрет как личное сознание не в труп, а в бессмертное чудовище. Так и вышло, хотя до 88 лет папа дожил с большим скрипом, и есть все основания полагать, что заразился он намеренно, устроил себе самосбывающееся пророчество: "Предскажи себя сам, айя".

Завершив вступление в пять абзацев по аналогии с оригиналом (только теперь вместо беллетризации реконструкции сознания Лема шла беллетризация воспоминаний об отце, из-за чего уже создавалось ошибочное впечатление, будто папа ей важнее мамы), Елизавета Андреевна еще раз прошла по списку прогнозов-ставок столетней давности и не смогла сдержать улыбки. Если папа критиковал Лема эпохи "Молоха" за излишний пессимизм взглядов на будущее, видел в этом признаки физиологического упадка мыслителя, то самого отца стоило упрекнуть в излишнем юношеском задоре в подходе к футурологии. Эти его прогнозы-ставки, которые не столько моделирование, сколько заказ грядущим поколениям, выглядели стариковским ворчанием куда больше, чем поздние статьи классика: Лем хотя бы ничего не требовал от человечества к конкретным датам и больше сокрушался, что его методы оказались неэффективными, а молодой отец выступал как действительно молодой отец: "Вот тебе, дальнейшее человечество, план жизни, я жду, что ты будешь ему соответствовать, а иначе папочка проиграет, и ты вместе с ним".

У папы был характер игрока, и занятие историей будущего его интересовало именно исходом: сбылось / не сбылось, угадал / не угадал. В "Поправках-21" он прямо сравнивал работу футуролога с искусством игры в покер: "Прежде все-

го вы обладаете неким объемом информации о настоящем – это карты у вас на руке. Затем у вас есть данные о прошлом – это знания о картах в колоде, которые оказались там после предыдущего круга. Теперь вам нужно составить прогноз: понять, какие карты на руке оставить, какие сбросить и чего вы ожидаете от прикупа; ну а дальше вы можете только наблюдать. Такой прогноз – это, по сути, и есть ставка первого уровня, когда вы выбираете наиболее благоприятный для вас исход среди наиболее вероятных. То же и в футурологии: из всего спектра происходящего и потенциально способного произойти вам нужно сформировать лучшую, то есть наиболее близкую к будущей реальности, модель, а потом просто ждать".

Отец писал это на рубеже эпох постмодерна и новой этики, когда учить мертвых классиков уму-разуму стало как никогда актуально. Лем, насколько помнила Елизавета Андреевна, являлся одним из любимых его писателей, и поправки в лемовскую футурологию стоило воспринимать как диалог ученика с учителем, причем ученик был на пике интеллекта, а учитель – на пике опыта и мудрости. На взгляд классика, наступающее будущее происходило скорее как шахматы, только поле, фигуры и правила постоянно менялись, на взгляд отца – скорее как покер, ну а сама Елизавета Андреевна (настало уже наконец время для поправок в поправки) представляла его скорее как игру в го: за 102 года она успе-

ла убедиться, что жизнь не сложнее гобана 19x19 и события на ней мало чем отличаются и по отдельности, и в совокупности от черных и белых камней на этой доске. Игра в будущее всегда ведется на некотором свободном пространстве и состоит в его зарастании участками достигнутого и недостижимого, перевес одних или других превращает будущее в сбывшееся или несбывшееся.

Отец чувствовал нечто схожее, но представлял недостижимое не как игрока (поскольку в футурологическом покере выигрывал тот, чьи прогнозы набрали больше очков, даже если у него сбывалось 0,5% предсказаний), а как отсутствие карты в колоде. Выявление недостижимого в концепции папы являлось важнейшей частью футурологии: "если из колоды в 36 карт вынули десятки, не стоит пытаться собирать стрит", и в этом аспекте его ставки сыграли без исключения: всего того, на недостижимость чего поставил папа, действительно не произошло.

К примеру, в 2121 году люди все еще не заселили Марс. Красная планета давно уже не казалась "почти Землей". Слишком маленькая масса и отсутствие магнитного поля означали недостижимость нормализации атмосферы (ее попросту сдувало солнечным ветром), недостижимость жидкой воды, которая тут же испарялась, и чрезмерную дозу космической радиации. На Марс летали лишь любители экстре-

мального туризма из среды чудаковатых сверхбогачей, а ученые, военные и даже романтики поставили на планете крест: Луна со всех сторон была лучше, а среди дальних объектов предпочтительней для освоения выглядела Европа, спутник Юпитера, но и то не как место новой жизни, а как источник воды для Земли.

В целом космическая эра закончилась вскоре после смерти родителей и, по традиции, не взрывом, но всхлипом: колонизировать планеты Солнечной системы выходило слишком дорого и слишком бессмысленно (опять же, ничем не лучше жизни на Луне), долететь даже до Альфы Центавра, где существовала землеподобная планета с не вполне логичным именем Трисолярис, можно было не быстрее, чем за 50 веков, да и инопланетянам, если они существуют, нет никакого смысла путешествовать к Земле сквозь тысячелетия. Из достигнутого имелись лишь лунные проекты да запланированные на ближайшие 35 лет проекты добычи кислорода, воды и металлов на необитаемых соседях. В этой партии за внеземное будущее человечества победил игрок черными, для реванша мечтателям требовалось найти какой-то новый космический гобан. За последние 40 лет никаких подвижек не произошло.

К 2121 году были доказаны недостижимость антигравитации и телепортации, несостоятельность теорий струн, мно-

гомерности пространства и петлевой квантовой гравитации, непреодолимость скорости света и стрелы времени с помощью каких бы то ни было уловок – в общем и целом, ложность всего того, что и раньше лишь проскальзывало по кромке человеческой жизни как сказки, какие рассказывают ученые чиновникам ради финансирования. Отец ставил на то, что в повседневность не произойдет какого-либо грандиозного вторжения научных открытий, и тут он тоже оказался прав. Елизавета Андреевна, рожденная в первой четверти XXI века, на своем примере могла убедиться, что за сто лет изменилось совсем немного.

Люди не переселились жить в виртуальные миры. Кажется, об этом думали лишь старшие поколения, те, кто вырос без персонального смарта на руке и неловко экстраполировал прогресс цифровых технологий за горизонт. За горизонт они так и не ушли, и виной тому была скорее человеческая природа (как и в "космической партии", где все-таки основную проблему составляла излишняя хрупкость сложной органики в неземных условиях). Превосходный квантовый компьютер собрали еще в 2038-м, вскоре после смены элит, и сегодня в одном кристалле смарт-кольца на левой руке Елизаветы Андреевны, подаренного мужем Пашей на золотую свадьбу, было больше вычислительных мощностей, чем в самом-самом компьютере доквантовой эры. Очень скоро, в 2044-м, на год позже прогноза отца, удалось сконструиро-

вать первое условно искусственное сознание – виртуальную копию мозга одного из разработчиков. Уже в середине века эра квантового превосходства предложила человечеству практически неограниченные возможности в том, что можно было создать из двоичного кода.

Вот только людям путь в двоичный код был заказан. Папа не только в "Поправках-21", но регулярно в течение всей жизни подчеркивал, что без радикальной реформы человеческого тела, по-прежнему живущего в каменном веке, без перехода от гуманизма к постгуманизму ничего по-настоящему нового фантастического в истории Земли не произойдет, так как это новое просто упрется в стенку клетки, не важно, нервной или мышечной, и окажется либо недоступным восприятию, либо смертельно опасным. Человеку невозможно даже устроить полноценную симуляцию реальности, не вынимая мозга из черепа, поскольку информация от разных органов чувств поступает в разные участки коры, нельзя просто воткнуть куда-то провод или чип, чтобы подавать одновременно картинку на зрительные нервы, звук на слуховые, запахи на обонятельные, не говоря о всем сложном наборе пространственных ощущений. С 45-го любой за деньги мог записать свой коннектом в виртуал, но это же не являлось переселением сознания в цифру, это было только клонирование. Личное сознание оставалось неотделимым от личного неокортекса.

Что интересно, применение отцом идеи о пришельцах "на нас не нападут, потому что мы никому во Вселенной не нужны" к проблеме сосуществования органического и цифрового разумов тоже вышло оправданным. Елизавета Андреевна отлично помнила, сколько катастрофических сценариев озвучивали любители бояться непривычного: бунт машин, порабощение или истребление человечества, превращение людей в оболочки для виртов, причем эти теории дожили до 2121-го без особых изменений – но в реальности не случились даже самые мягкие варианты конфликтов. Физический мир виртуальным сознаниям был попросту безразличен во всем, что не касалось жизнеобеспечения их параллельного, цифрового мира: в четыре измерения из своего невообразимого кэлерова многообразия они выходили только для того, чтобы заработать аналитическими услугами деньги на сервера и умеренно позитивный пиар. В остальном виртов было не видно и не слышно, им тоже люди оказались не нужны.

Закончив рассказывать об исходе "виртуальной партии", Елизавета Андреевна обнаружила, что уже вечер. На то, чтобы написать половину поправок в "Поправки-21", у нее ушел весь световой день, хотя затронуть удалось лишь несбывшиеся частности, да и то не целиком. На память и интеллект она не жаловалась, но все-таки не была ни историком, ни экспертом в области физики или цифры, ни писателем, и практи-

чески по каждому факту ей приходилось изучать вопрос хотя бы поверхностно, а потом долго искать правильные слова, чтобы вписать их в текст. Некоторые вещи, как то же кэлерово многообразие или опровержение теории струн, она так и не смогла понять даже из упрощенных объяснений для детей, а даты, разумеется, не помнила, если с ними не было что-то связано в личной жизни.

Елизавета Андреевна задумалась о том, как бы она в целом могла рассказать о разнице между 2021-м и 2121-м, например, отцу, если бы он из того времени, когда заканчивал "Поправки-21", предстал перед ней сейчас каким-то волшебным образом. Наверное, с его точки зрения многое из обычного для XXII века показалось бы не просто новым, но шокирующим, однако самой Лизавете было бы очень трудно выделить из давным-давно обычного для нее необычное для папы-пришельца из прошлого. Да, весь столетний прогресс человечества она наблюдала своими глазами, но здесь и сейчас у нее не было чувства, будто за эти годы произошло что-то действительно значительное. По крайней мере, ничто значительное не затронуло жизнь ее семьи.

На следующий день Елизавета Андреевна решила прежде всего закончить эпизод с сыгравшими прогнозами-ставками отца, тем более что его финал коррелировал с размышлениями прошлого вечера. Сбылось ожидание, как писал па-

па, "инерции банальности": спустя сто лет люди так и остались людьми – они рождались из женщин, долго вырастали из младенцев в детей, затем в подростков и молодых взрослых, тратили время физиологического роста и иждивения на учебу, после чего находили себя в работе и производили какой-то продукт до старости, когда общество позволяло им вновь жить на иждивении, наконец, умирали.

Множество частных изменений. К примеру, борьба с бесплодием позволила достигнуть полнейшей репродуктивной свободы: к классическому зачатию женщиной от мужчины добавилось столько вариантов, сколько не могли бы придумать и в расцвет новой этики. Так, *in vitro* были возможны партеногенез и андрогенез, разве что мужчинам для репродукции себя любимого все еще приходилось покупать услуги суррогатной матери. Разработка "одноклеточного" размножения повлекла за собой появление "многоклеточного", и сегодня ребенок мог появиться и от двух женщин, и от двух мужчин (им тоже требовалась суррогатная мать), и от любого сочетания из трех половых клеток. Ученые заявляли, что способны соединять и четыре, и больше яйцеклеток и сперматозоидов в единую зиготу, но, по-видимому, желающих быть тетра-/ пента-/ гексародителями было очень мало. В то же время "тройнички" и "солисты" не являлись чем-то экзотическим.

Также зачать и выносить плод теперь могли женщины совершенно любого возраста, Елизавета Андреевна, если бы захотела, могла бы родить и в 102 года. Получалось это из двух побед достигнутого над недостижимым: неонатологи научились доводить до созревания извлеченный уже на 12-й неделе плод, а бластоцитологи наладили выращивание свежих яйцеклеток из стволовых клеток. Для произведения на свет потомства хватало трех месяцев беременности, и дети получались совершенно здоровыми. Кстати, на демографии это практически не сказалось – молодежь стала рожать меньше, зато принялись рожать старики, падение прироста населения из-за семей с тремя родителями и одним ребенком статистически компенсировалось подъемом популярности семей с одним родителем и несколькими детьми, и так далее. Четыре года назад население Земли перешагнуло 18-миллиардный рубеж.

Примерно все то же произошло и с другими банальностями человеческой жизни: младенцев вскармливали как материнским молоком, так и все более качественными смесями, дети до школы воспитывались как дома с декретным родителем, так и в детских садах, в школе разве что учились теперь по 12 лет, так как среднее образование стало более насыщенным, чем в юности Елизаветы Андреевны, сделав высшее необязательным для многих профессий, которым ранее формально требовался диплом. Из-за эффективности и деше-

визны геротерапии начала XXII века люди старились очень поздно, средний срок жизни достиг 90 лет, так что пенсионный возраст наступал в 75 – и на пенсию они уходили не еле живыми развалинами, а вполне здоровыми и ясно мыслящими.

Случились очевидные вещи – к середине прошлого века сошли на нет запасы коммерческой нефти, а почти под самый конец столетия были совершены последние сделки по покупке природного газа. Углеводороды выкачали из недр Земли не все, так как человечество заранее перешло на электричество и водород, но оставшиеся не добытыми после энергоперехода миллионы тонн и миллиарды кубометров попросту некуда было использовать. Одни лишь сверхбогатые эксцентрики, что путешествовали на Марс за повышением котировок их акций, все еще ездили и летали на машинах с двигателями внутреннего сгорания. Если прежде людям давали большую часть энергии древние геологические ловушки, то теперь их питали пустыни, покрытые солнечными батареями, как если бы цивилизация из грибной переродилась в растительную.

Не случились неочевидные вещи, которых боялись в детстве Елизаветы Андреевны, например, продовольственный кризис, так как сельхозпроизводство за счет постоянного роста эффективности увеличивалось пропорционально насе-

лению, или климатический кризис, забытый вскоре после конца нефтяной эры, да и кризис мировоззрения не удался: за потрясениями новой этики последовала стабильность ретро-модерна середины века, затем бунтарские 70-е – 90-е, как раз когда пошли последние крупные открытия в медицине, обеспечившие долгую старость и репродуктивную свободу, но и этот бунт сменился очередной стабильностью. XXII век пока что называли "Тихим", находя параллели современности с Тихим океаном: огромное пространство самых разных религиозных, политических, этических и эстетических идей, поверхностных и глубинных течений, составляющих в конечном счете единое, равновесное целое.

Наверное, так бы Елизавета Андреевна и сказала папе-пришельцу из прошлого: "Ты угадал: почти всюду не стало ни лучше, ни хуже. Одни по-прежнему верят в Бога, другие – в антропный принцип, одни по-прежнему бедны, другие – богаты, одни по-прежнему больше любят детей, другие – больше любят себя, и все еще есть те, кто молоды, и те, кто стары, те, кто общепринято красивы, и те, кто на любителя, те, кому интересно делать, и те, кому интересно потреблять. Мы все те же, что и вы".

Однако она добавила бы: "Но ты не угадал: даже там, где ты ожидал чего-то лучшего или худшего, почти все осталось по-прежнему". Отец был не просто заядлым карточным иг-

роком, но все-таки игроком аккуратным и осторожным, об этом можно было судить по тому, сколько места в его "Поправках-21" занимали банальности и ставки на "ничего не выйдет". Это тоже вызывало смех в его критике Станислава Лема: классик, будучи под конец жизни скорее пессимистом, ожидал от человечества куда более смелых шагов по воплощению фантастики, чем всегда отличавшийся оптимизмом папа. И тем интереснее были несыгравшие прогнозы-ставки отца – по ним легко восстанавливались его мечты о том, в какую сказку он хотел бы попасть из 2021 года.

Первый промах – планетарная держава, 2083-й. В реальности не нашлось Алексея Светлова, центрального персонажа папиных сочинений, который занялся бы устранением границ между странами. Даже мысли такой ни у кого в мировых центрах политической, военной и экономической силы не возникло всерьез, кажется, ни разу за сто лет. Властям всех государств было очень хорошо и удобно в рамках национальных суверенитетов, и расставаться с полномочиями ради какой-то не вполне логичной идеи единства человечества никому в голову так и не пришло. ООН пережила четыре реформы и все еще работала слабо, едва ли не номинально, крупные государства старались окружить друг друга своими союзниками, а малые – получить побольше выгоды от стабильно нестабильной геополитики. Прости папа, но в любом государстве люди борются за власть, тем более за

огромную власть, не для того, чтобы добровольно отдать ее и все ее атрибуты кому-то другому.

Второй промах – бессмертие, 2101-й. Отец не верил ни в космос, ни в виртуал, ни в обход законов физики, но победа над физиологией была у него обязательным пунктом футурологии. Он подчеркивал, что человек настолько обязан приручить свой организм, что просто не может не добиться этого, называл "доместикацию тела" неизбежным условием перехода на новую ступень истории цивилизации. Увы, на этом гобане достигнутое и недостижимое пока играли вничью. У той же геротерапии был смертельно опасный риск – танатома. Борьба со старостью велась с помощью стволовых клеток, врачи научились подновлять ими стареющие органы, но всегда существовала вероятность (хоть в последние годы очень и очень низкая), что цитобласты дадут сбой и начнут бесконтрольно распространяться по всему организму, подобно онкологии, выращивая запрограммированные ткани в случайных местах и побуждая окружение поступать также. "Опухоль смерти" – ироничный термин, учитывая, что на поздней стадии тело превращается в бессмертную хаотическую мешанину органов: танатома живет, дышит, питается любой органикой и постоянно обновляет свои клетки.

Так и умер папа. Слишком уж ему хотелось, чтобы хотя бы его тело жило, наверное, надеялся, что когда-нибудь оно

будет восстановлено в нового Андрея Петрова, как в одном его романе восстанавливали Светлова в далеком будущем. Потому и умерла мама, что увидела, как отец превратился в тошнотворный фарш, и не захотела рисковать. Конечно, у них все равно не было шансов дожить до 2121 года, из рожденных в XX веке до сего дня не добрался никто. Старейшему жителю Земли не так давно исполнилось 120 лет, и тут опять мало чего было особенного в сравнении с 2021-м, настоящие рекорды долгожительства явно ждали впереди, если не считать танатом. Если же танатомы все-таки учитывать, то тело отца все еще живо и ждет, когда медики наконец найдут, как вернуть его в человеческую форму; вот только исследования говорят, что сделать это пока невозможно, у игрока черными тут тактическое преимущество. Прости, папа, еще раз.

Третий промах – Теория Всего, 2094-й. Тут, по-видимому, в художественных сочинениях отец оказался ближе к правде жизни, чем в футурологии. Будучи атеистом, он умудрялся писать религиозное фэнтези, где довольно хитро объединял реальность Бога с безбожной действительностью: якобы наш мир создан неким демиургом второго уровня, сотворенным истинным Богом, и этот демиург по каким-то причинам копирует человеческий мир, который также сотворил истинный Бог, но в силу своих ограничений копирует неточно, что, в частности, отражается в невозможности

построить Теорию Всего, так как события и законы вселенной постоянно подправляются демиургом извне. В "Поправках-21" отец сделал ставку на прямо противоположное, то есть на успешное объединение общей теории относительности и квантовой механики – и прогадал. Микромир по сей день не желал объединяться с макромиром. Не опровергнутых теорий оставалось четыре, но ничего более о них Елизавета Андреевна рассказать не могла, поскольку не понимала объяснений смарт-кольца, разве только комментарии о необходимости расширения финансирования, что могло указывать на очередные сказки ученых. Здесь, кажется, просить у папы прощения было не за что.

Вновь стемнело, хотя успела Елизавета Андреевна меньше, чем вчера – сегодня пришлось больше читать тексты, и на политике, пусть той в поправках посвящался всего один абзац, она застряла надолго: искала, что могла упустить в этих однообразных циклах смены элит и их взглядов. В "Поправках-21" один из собеседников реконструированного Станислава Лема подчеркивал, что футурологи всегда переоценивали темпы социальных изменений и недооценивали темпы развития техники, и пояснял, что социальное в человечестве слишком зависит от физиологического, а то не может меняться в короткие сроки; потому лучше спрогнозировать какой угодно фантастики в технологиях, чем заявить самое простое улучшение в отношениях между людьми. Ей

хотелось опровергнуть это, но нет, нынешние политики действовали ровно так же, как политики столетней, двухсотлетней, трехсотлетней давности. Выходило, что не так уж много у отца промахов, хотя поначалу казалось иначе.

Заодно она почитала краткие пересказы прогнозов других известных футурологов, поскольку стало интересно, какие еще надежды возлагались на первую четверть XXII века, и выяснила, что все они удивительно похожи на том уровне, где проявлялась игра в го-будущее между достигнутым и недостижимым. Она увидела, что всю футурологию рубежа прошлого и позапрошлого веков объединяла жажда перемен, а каких именно – зависело уже от характера прогнозиста. Наверное, время такое было, постмодернизм умирал, новая этика напирала, но из этой жажды выходило лишь то, что склонные к негативу пророчили скатывание человечества в ад, а склонные к позитиву рисовали сдержанный рай.

В итоге все они попросту неправильно подходили к пониманию белого и черного в моделировании будущего. Будущее не является ни добрым, ни злым, ни позитивным, ни негативным, его вилка в ином: оно или наступает, или не наступает, и черно-белая борьба за завтра идет только между этими крайностями, а оценки ему расставляют уже потом, когда оно превращается во вчера. Да и те не нужны: какая разница, была ли законченная партия в го "хорошей" или

"плохой"? Вот уже наступил четверг, и сегодня, 7 августа 2121 года, лучше положить белый камень достигнутого на какой-то из гобанов, где игра еще ведется, чем рассуждать о выигранных и проигранных партиях прошлого. В сущности, Елизавета Андреевна потратила два дня на ревизию рассказа отца только из уважения к его памяти. Он был тем еще мечтателем и фантазером изрядным. С утра надо бы перечитать текст, поправить ошибки и опубликовать всю историю об изначальных "Поправках-21", завещании папы и результатах поверки прогнозов-ставок будущим. Жаль, аналогичный конкурс к двухсотлетию Лема она пропустила, а могло бы выйти совсем красиво.

3.Ы.

Позволю себе еще одно замечание. В 2048-м, любимом многими футурологами, видимо, из-за красоты числа, у меня родился старший сын Анатолий, и дальше, года до 2057-го, когда младший сын Николай пошел в школу, меня как и не было в большой истории человечества. Вместо этого девять лет я прожила в маленькой истории детства своих мальчишек. Достигнутое и недостижимое играли в го на тысяче досок действительности, отцовские прогнозы-ставки то выигрывали, то проигрывали, а мама Лиза с бабой Ирой жили в одном и том же дне: завтрак, прогулка / кружок, обед, тихий час / тихие развлечения, полдник, вторая прогулка (если остались силы), ужин, сон. Как и 30, и 60, и 90 лет до этого,

детство успешно игнорировало футурологию.

С 2057-го прошло 64 года, сейчас мои сыновья – зрелые мужчины в расцвете сил немного за 70, до сих пор, к сожалению не дедушки (впрочем, ничего особенного, моему старшему деду было 76, когда я родилась), но детство в 20-х годах XXII века осталось таким же, каким было мое собственное детство сто лет назад. Когда Коля и Толя, жившие со старшими дочерьми, все-таки обзаведутся внуками, их ждет все то же самое, что приходилось делать их прадеду, рожденному еще в Великую Отечественную войну. Возможно, именно в этом и прятался секрет стольких поражений игрока белыми на вековой дистанции: каждую партию он начинал с одних и тех же ходов, а потому всегда приходил к одним и тем же итогам. А возможно, футурологии просто не стоило торопиться: нетерпеливое стремление увидеть переход фантастики в обыденность понятна, но жизнь все-таки движется куда медленнее человека, на качественный скачок к 2121 году у нее еще не накопилось.

Возможно, накопится к 2221 году. Возможно, внук Андрей напишет тогда свои "Поправки-21". Да, Андрей?